

Александрия. 1920-е

И.П. Умов.
1912

Выдающийся земляк

Съёмочная группа ульяновской киностудии документального кино «Александрия» снимала в Египте фильм о русской эмиграции, и на православном кладбище Шетби режиссёр Наталья Цуканова обнаружила могилу нашего земляка Ивана Павловича Умова, известного дипломата, который служил российским вице-консулом в Александрии.

Ульяновским краоведам хорошо знакома эта фамилия. Среди симбирских помещиков Умовых было много незаурядных людей. Неординарной личностью был и Иван Павлович. Он родился 15 марта 1883 года в родовом поместье отца в селе Умовка Спаского уезда (ныне это Старомайинский район Ульяновской области), недалеко от села Русские Юркули. Как потомственный военный учился в Симбирском кадетском корпусе, а после окончания поступил в Санкт-Петербургское военно-инженерное училище. Позже учился в Лазаревском институте восточных языков в Москве, а в Лондоне окончил консерваторию по классу фортепиано. Иван Павлович прекрасно музицировал, писал стихи, был полиглотом, замечательным переводчиком – невозможно перечислить всех заслуг этого культурного и общественного деятеля.

Работая над темой «Русские эмигранты в Египте», коллектив студии документального кино «Александрия» познакомился с доктором исторических наук, профессором МГУ

Далёкая и близкая Александрия

Русская Александрия. Русский Харбин. Русский Нью-Йорк. Мы и сегодня, по прошествии целого века, с болью в сердце произносим эти слова. После революции 1917 года за пределами России оказались 2,5 миллиона человек. Что испытывали наши соотечественники, потеряв Родину и связь с ней? Чем жили на чужбине, во что верили? Где затерялись могилы тех, кто в начале XX века составлял цвет и гордость России?

И как же мы должны быть благодарны энтузиастам, которые заново открывают нам замечательные имена, поглощённые штормом революционных перемен! Такими энтузиастами-исследователями можно назвать небольшой коллектив ульяновской киностудии документального кино «Александрия», заново озвучивший забытые страницы славной истории.

Геннадием Горячкиным, написавшим книгу «Русская Александрия. Судьбы эмиграции в Египте» (М.: Русский путь. 2012. – 336 с.: ил.)

Вот что пишет историк о нашем земляке: «Было бы странным, на наш взгляд, если бы и для Александрии, культурной столицы Страны пирамид, где зародился театр и кинематограф, которая явила ей и всему миру прекрасных египетских, армянских, греческих, еврейских, итальянских, сирийских, ливанских деятелей культуры, воспевавших свою египетскую средиземноморскую родину, не нашлось бы у России дипломата «тютчевского» типа. Им стал... И.П. Умов (15.03.1883 – 7.03.1961), проживший в Александрии без малого полвека...».

Профессор МГУ Геннадий Горячкин

Автор «Русской Александрии» убеждён, что на воспитание Ивана Умова большое влияние оказала малая родина – привольное Поволжье, где в тесном общении с будущим дипломатом проживали яркие представители знаменитых дворянских династий. «Вероятно, преобладание этой последней составляющей его менталитета, – утверждает историк, – привело к тому, что он бросает военную карьеру и перед самой революцией поступает в Лазаревский институт восточных языков в Москве, который окончил и его будущий непосредственный начальник в Александрии А.М. Петров. К последнему он поступает в распоряжение, вполне возможно, не случайно, в 1912 г., т. е. спустя два года после приезда консула в северную столицу Египта».

Так И.П. Умов стал востоковедом, получил распределение в МИД и был назначен вице-консулом в Александрию. Через пять лет он попал в странную историю, связанную якобы с освобождением от военной службы некоего Евгения Пиваровича. В деле фигурировал английский офицер, принявший решение об освобождении этого молодого человека от призыва в армию, но Умов взял всю вину на себя.

В результате решением консульского суда его отстранили от работы, Иван Павлович направился в Россию, но с полдороги вернулся: на родине уже бушевала революция. Посланник А.А. Смирнов разрешил ему вернуться в Египет на правах частного лица.

Возвращение в Египет было продиктовано важным обстоятельством: в Александрии оставалась жена Умова – Александра Иосифовна – православная ливанка из знатного рода Хури. Этот род владел большой недвижимостью, но не материальное богатство заставило русского романтика жениться: Александра Иосифовна наделена была богатством душевным и духовным. Об этом свидетельствуют поэтические строки, написанные Умовым по прошествии долгих супружеских лет.

*С участливым сердцем,
приветно-ясна,
Средь жизни обрывок
тропой небольшою
Спокойно и тихо проходит она.
И думам поэта, и звукам Шопена
Извечный есть доступ в души её храм.
Превратности света,
времён перемена
Её не приклонят к чужим алтарям.
Верна неизменно заветам былого,
Живёт она в лучшем грядущем,
в мечтах:
Душою смиренна; прощенья слово
Всем братьям заблудшим
у ней на устах.*

Вилла Умовых находилась в центре Александрии и была в центре внимания просвещённого общества. Здесь часто проводились музыкальные и литературно-поэтические вечера, на которые приглашалась элита города. На них выступали приезжие артисты, городские ансамбли, русские коллективы культурной столицы Египта. Гвоздём музыкальных программ были обаятельные и музыкально одарённые Катя и Иосиф Умовы – гордость отца и матери. И сам Иван Павлович частенько по просьбе гостей читал свои стихи на французском и русском языках или исполнял на фортепиано музыкальные произведения собственного сочинения.

«Полиглот Умов знал десять языков: пять западных (английский, французский, немецкий, итальянский, испанский) и пять восточных (арабский, персидский, грузинский, турецкий, сирийский), – пишет Г.В. Горячкин. – Знание западных языков

позволяло ему стоять вровень с лучшими дипломатами Европы и Америки, а обладание восточными языками – превосходить последних и ощущать себя своим в восточной среде».

Литературные способности Ивана Павловича были широки. Они проявились и в поэзии, и в драматургии, и в литературоведении. Умов был включён в восточную поэзию. Свободно читая в оригинале средневековых арабских поэтов, он чувствовал и понимал все тонкости, весь аромат, который излучала эта поэзия. Своими чудными переводами он заново открыл Западу красоту поэзии Абу-ль-Аля аль-Маари и мастера любовной лирики Омар аль-Хайяма.

Наряду со стихами, написанными и напечатанными на разных восточных и европейских языках, И.П. Умов больше всего писал на русском языке. Он долго не решался их публиковать, считая, что все они нуждаются в отделке, но близкие всё-таки настояли на публикации. Иван Павлович отобрал стихи для первой своей русской книги, выпуск которой он приурочил к 150-летней годовщине со дня рождения А.С. Пушкина.

На вилле Умова побывали многие знаменитые актёры, писатели, художники. Дружеские отношения связывали Ивана Павловича с известным русским художником Иваном Билибиным. В 1913 году в Александрии в гостях у И.П. Умова побывал Николай Гумилёв. Видимо, этот визит был связан с абиссинской экспедицией. На память о встрече у И.П. Умова остался автограф Гумилёва, который дипломат вложил в свой альбом. В настоящее время автограф находится в собрании его внука, Сергея Иосифовича Умова, в Женеве. Это стихотворение (в полном виде) не было напечатано. Собирая книгу, Н.С. Гумилёв посчитал его незавершённым.

*Какая странная нега
В ранних сумерках утра,
В таяньи вешнего снега,
Во всём, что гибнет и мудро.*

*Золотоглазой ночью
Мы вместе читали Данта,
Сереброкудрой зимою
Нам снились розы Леванта.*

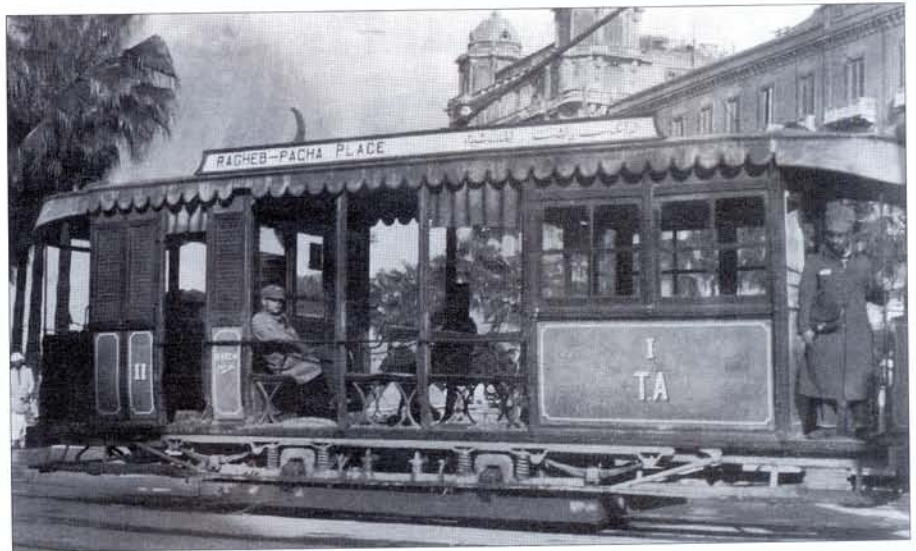
*Утром вставай, тоскуя,
Грусти и радуйся скупо,
Весной проси поцелуя
У женщины милой и глупой.*

Александрия, 3 сентября 1916

Н. Гумилёв

Александрия. 1920-е

Перелётные птицы

Иван Умов жил в Александрии безбедно – в отличие от своих соотечественников. Он был счастлив в браке, смог дать своим детям прекрасное образование, имел возможность заниматься поэтическим и музыкальным творчеством – в общем, мог вовсе не скучать по Волге и далёкой России. Но «сила, заложенная в нём культура и непоколебимая любовь к родному народу, – писал один из почитателей его творчества, – оказались сильнее и притягательнее всех благ европейской цивилизации и экзотики восточных стран».

Иван Павлович испытывал сильнейшее чувство одиночества и ностальгировал не меньше, чем остальные русские эмигранты в Александрии. Одно из его стихотворений называется «Перелётные птицы». В широком поэтическом обобщении автор, не отделяя себя от соотечественников-эмигрантов, раскрывает всю боль и остроту разлуки с родиной.

*Мы дети России,
бездомные птицы,
Мы бедствуем всюду,
под небом всех стран.
Летят разорённых скитальцев
станции
В Египет, в Алжир, на седой океан.
Нас видели в Смирне
у дряхлой мечети,
И в римском Палаццо,
в старинном окне,
А матери наши, а малые дети
Тоскуют о нас в незабвенной стране.
И мучит нас вечным,
безмолвным укором
То матери облик во мраке ночном,*

*То призрак сестры
с угасающим взором,
То, с плачем о хлебе,
дитя под окном.*

Однако жизнь основной массы русских эмигрантов в Александрии была совсем иной. Её подробно описал в своих многочисленных письмах, адресованных профессору Г.В. Горячкину, Н.А. Старковскому. Сын русских эмигрантов, он родился в Александрии в 1922 году в лагере Сиди-Бишр. Мальчик, как и другие беженцы из России, жил в нищете. Главная же проблема заключалась в том, что у русских эмигрантов не было паспортов и гражданских прав, а потому никто из детей не мог получить высшее образование. Николай Старковский – единственный, кто чудом поступил в Каирский университет и стал учёным-химиком, переехал в США, где здравствует и поныне.

Конечно, И.П. Умов был несколько отстранён от русской колонии – сказывалось и материальное, и общественное положение. У «удивительно образованного И.П. Умова, – вспоминал Н.А. Старковский, – был собственный мир, в гости не ходил и в кружках не участвовал...».

Горькие испытания

Музыкальное дарование Ивана Умова ярко проявилось в его детях. Их было четверо: сыновья Павел, Иосиф, Александр и дочь Катя. Второй сын Иосиф пошёл по стопам отца, увлёкся музыкой и стал известным скрипачом, в начале 1960-х годов он уехал в Лондон. Младший Александр стал архитектором, женился на французке Симоне Фаводон.

Несчастья обрушились на семью в 1955 году. Летом умер старший сын Павел, в сентябре – дочь Екатерина.

Катя Умова была очень одарённой девушкой. Занималась виолончелью. Вместе с братом Иосифом составляла основу Александрийского симфонического оркестра. К тому же она была хорошей балериной, исполняла классические танцы, часто выполняла балетное соло. После гастролей великой Анны Павловой александрийцы полюбили русский балет и восторженно встречали выступления Кати Умовой.

Её смерть была трагической случайностью: репетируя балетные упражнения в комнате, Катя упала, ударившись виском об острый край мебели. Ей было 29 лет. «Вся Александрия была в слезах», – вспоминала Т.Н. Монти. А каково же было отцу хоронить свою любимицу! Лишь через три года он сможет выразить свои чувства к дочери в поэме «Offrande» («Дарение»).

Египетская пресса отмечала, что «Катя была одной из самых известных фигур среди александрийской молодёжи». Через год после её гибели мама Александра Иосифовна учредила стипендию имени Кати особо отличившимся учащимся танцевального класса Александрийской консерватории.

На этом горькие испытания семьи не закончились. В начале 1961 года роскошный дворец – вилла Умовых – был национализирован новым режимом Гамалея Абдель Насера. А 7 марта 1961 года Иван Павлович скончался. Вскоре ушла из жизни и Александра Иосифовна. Сыновья Умовых Иосиф и Александр покинули Египет.

Русские захоронения на Александрийском христианском кладбище Шетби

Надгробие Ивана Умова и его дочери Екатерины

Живая память

Рассказывая в своих письмах-воспоминаниях о выдающихся русских людях, оказавшихся в эмиграции, Николай Алексеевич Старковский разделил их на группы по основным занятиям и целям. Среди русских были врачи и сёстры милосердия (колония состояла в основном из военных госпиталей, эвакуированных союзниками с юга России), которые лечили русских бесплатно и снабжали их лекарствами, а медицинские сёстры заботились о больных, как о собственных детях. Здесь были учителя и учёные, которые бесплатно давали уроки, создавали летние школы, распространяли русскую культуру. Были просто сердобольные люди, отдававшие последние силы на оказание материальной помощи нуждающимся.

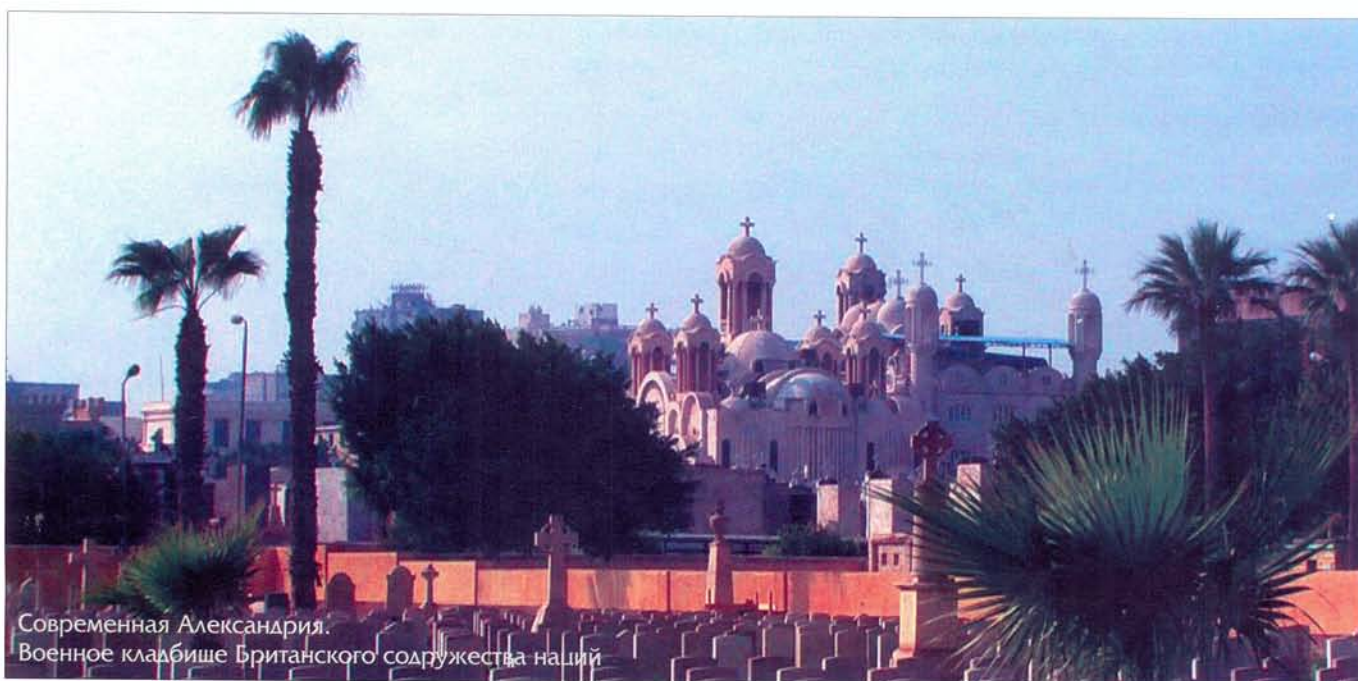
Среди эмигрантов были талантливые музыканты и художники, ставившие перед собой цель поддержать и развить интеллигентность как исконно русское понятие и передать её подрастающему поколению. Эти люди – представители выдающихся фамилий: сёстры Голенищевы-Кутузовы, учёный-словист Добрыня-Конюхов, музыканты Радецкая-Гаусман и Плотников, художник И.Я. Билибин, генерал Н.Ф. Гельмгольд и многие, многие другие, и рассказывать о них можно бесконечно.

Все они жили надеждой на скорую встречу с Родиной, но встреча не состоялась. Могилы этих людей, разбросанные по всему миру, до недавнего времени были забыты. Но благодаря стараниям Российского центра науки и культуры, российских посольств, стараниями отдельных энтузиастов

заново открыты страницы истории Русского Зарубежья, отреставрированы надгробия и православные часовни. На одном только Александрийском кладбище Шетби покоится прах сотен русских, и среди них, как оказалось, – симбиряне, сведения о которых продолжают собирать режиссёр Наталья Цуканова и её коллеги.

Ульяновская студия документального кино «Александрия» создала яркий, эмоционально насыщенный и психологически напряжённый фильм «Русская Александрия», напомнив нам об истинных русских патриотах. А ведь это не только акт исторической справедливости, но и шаг в будущее: только осознав прошлое и свои ошибки, нация может двигаться вперёд.

Ольга Шейпак

Современная Александрия. Военное кладбище Британского содружества наций